

положение, при котором русское правительство, несмотря на обещание поддержать славян, обманет их, подобно тому, как французское правительство обманывает Польшу¹. Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет), придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения. Вот почему я и спрашиваю, имеем ли мы право вмешиваться в эти дела, если существуют некоторые разъединяющие нас убеждения, и служить так или иначе элементом, препятствующим ходу вещей. Или мы должны все предоставить естественному течению, с тем, чтобы высказаться позднее?

Я голосую за последнее. Ибо не монархическая Франция в состоянии поднять революцию; не Польша — более аристократическая, нежели ты думаешь, и притом призывающая на помощь Турцию² и Австрию³, — в состоянии поднять революцию. Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским Востоком? Ты не можешь не видеть этого, разве что закроешь глаза.

¹ Имеются в виду события, связанные с польским восстанием 1863 г. Французское правительство обещало восставшим полякам свою поддержку, но дальше дипломатических выступлений не пошло.

² После неудачных восстаний 1830 и 1863 гг. часть повстанцев эмигрировала в Турцию. В связи с Крымской войной эмигранты пошли на военную службу к турецкому правительству. Был оформлен казачий отряд (казак-алай) из польских эмигрантов, турок и болгар во главе с Михаилом Чайковским (Садык-пашой), который участвовал в нескольких столкновениях с русской армией. После войны отряд был превращен в регулярную воинскую часть. На участие в борьбе за независимость Польши польских войск, сформированных в Турции, возлагали надежду и центры польской эмиграции. В 1855 г. великий польский поэт А. Мицкевич побывал в Турции и ознакомился с отрядом Чайковского. В своем письме к А. Чарторыйскому он писал, что если бы эта организация приобрела более широкие размеры, то «могла бы стать оружием польского дела». Однако объективно функция казак-алай была далекой от этих мечтаний и не отличалась от роли других турецких воинских частей. Казак-алай передвигали в порядке военных демонстраций на границы соседних государств, использовали для умирения национально-освободительной борьбы в Сирии (1858 г.), в Болгарии и т. д. (см. И. К. Стойчев. Казак алайт на Чайковски. София, 1944).

³ В 1861 г. Галицийский сейм обратился с благодарностью к императору за некоторое расширение автономии. В 1866 г. после назначения наместником Галиции поляка Голуховского усилилось движение сторонников австрийской ориентации. В декабре того же года сейм, по предложению консерваторов, принял верноподданнический адрес, в котором заявлял императору: «При тебе, светлейший государь, стоим и стоять желаем».

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ

Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

1

В напряженной литературно-общественной деятельности Герцена 1867 г. большое место занимает его полемика с И. С. Аксаковым. Она возникла после того, как Аксаков присоединился к возобновившейся в 1867 г. кампании русской реакционной печати, обвинявшей Герцена и других деятелей революционной эмиграции в подстрекательстве к поджогам.

Помимо ответа в «Колоколе» на клеветническую статью, опубликованную в «Варшавском дневнике» и перепечатанную затем в «Голосе» (XIX, 244—245), Герцен рассчитывал поместить опровержение и в легальных изданиях, выходивших в России. Одно из таких опровержений, в форме письма к И. С. Аксакову, было направлено в

редактировавшуюся последним газету «Москва». Однако Аксаков еще до получения письма Герцена перепечатал статью из «Варшавского дневника», а затем опубликовал и письмо к нему Герцена с припиской, показывавшей, что Аксаков также поддерживал гнусные наветы на революционный лагерь. Допуская, что Герцен не принимал непосредственного участия в «обществе поджигателей», Аксаков все же вменял ему в вину: «косвенное и нравственное участие» в нем.

Вслед за тем Герцен напечатал в «Колоколе» свое письмо к И. С. Аксакову с припиской, в которой полностью процитировал примечания Аксакова, состоявшие «сплошь из ахиллесовых пяток», и высказал обещание ответить «спокойно и просто» в следующем номере. Об этом своем намерении написать серьезный ответ Аксакову Герцен говорит и в публикуемой ниже записке к Огареву, при которой он отправил из Ниццы свою приписку для публикации в «Колоколе».

Вопрос о том, как реагировать на поведение Аксакова, обсуждался и в других письмах Герцена и Огарева друг к другу (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 430, 441; XIX, 249, 257, 259). Обещанный подробный ответ Аксакову был написан Герценом в Ницце 6 апреля 1867 г. и опубликован в л. 240 «Колокола» от 1 мая 1867 г. под названием «Ответ И. С. Аксакову» (XIX, 278—287).

Записка Герцена Огареву характеризует атмосферу, в которой приходилось им работать в последний год существования «Колокола» на русском языке, и указывает на значение, какое придавал Герцен борьбе с главой реакционного славянофильства.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 196).— Публикация П. Г. Рындзюнского.

⟨Ницца. 5 апреля 1867 г.⟩

Примечания ad usum * Ник⟨олая⟩ Платонов⟨ича⟩.

Ответ Аксакову должен быть очень серьезен, и его надобно консертировать**, а не с бухты-барахты написать издали. Я прошу напечатать эти строки, а письмо приготовлю к 1 мая. Это очень важный случай — я хочу и Кельсиева оправдать². Баку⟨нин⟩ не пишет³, да я порядком его адреса не знаю — послал ему второе письмо (одно *posta firma****, другое по стар⟨ому⟩ адресу)⁴.

Посылайте «Кол⟨окол⟩» как можно больше и в редакции и в Москву. Статья о Греции должна быть известна⁴.

¹ Дата и место написания определяются указанием Герцена на его приписку к «Письму к И. С. Аксакову» (XIX, 269—270).

² Во время клеветнической кампании, поднятой «Варшавским дневником», повторились прежние измышления Каткова о том, что «поджигателями» будто бы выступали «агенты Герцена», поселившиеся в Тульче, то есть, в первую очередь, братья Кельсиевы. Герцену в «Ответе И. С. Аксакову», как и ранее, в 1865 г. (XVIII, 203—205, 243), вновь приходилось доказывать непричастность Кельсиевых к так называемым «поджогам» (XIX, 284).

³ Обвинения в «зажигательстве» и в «нанесении ущерба России» были брошены Аксаковым и в адрес Бакунина, причем после фамилии Герцена, при перепечатке статьи из «Варшавского дневника», был поставлен в скобках вопросительный знак, Бакунин же обвинялся безусловно. Герцен дважды обращался к Бакунину с предложением лично ответить на клевету. «К Баку⟨нину⟩ я писал; я сам его на свой страх не беру», — писал он Огареву (XIX, 249). Ссылка на молчание Бакунина должна была объяснить Огареву, почему Герцен в посылаемой приписке к «Письму к И. С. Аксакову» не выступает на защиту Бакунина. Позднее Бакунин на призыв к нему Герцена откликнулся двумя письмами, на которые в примечании к своей статье «Ответ И. С. Аксакову» и сослался Герцен (XIX, 284); они были полностью опубликованы в следующем номере «Колокола». Полный их текст дан в комментарии Лемке (XIX, 288—291).

⁴ Имеется в виду статья Герцена «На площади св. Марка» (XIX, 259—260). Герцен называл ее своим «манифестом о греках» (XIX, 245). Эта статья явилась откликом на восстание греков против турок на острове Кипр. «Мы вполне, безусловно за греков, хотящих слиться с греками», — писал Герцен в этой статье (XIX, 259).

* для (лат.).

** согласовать (от франц. *concerter*).

*** до востребования (итал.).

Публикуемый автограф представляет собою отрывок из чернового наброска письма Герцена к Огареву в Женеву. Он содержит замечания Герцена к материалам, намечавшимся для публикации в «Колоколе». Датируется по упоминанию о книге Д. Л. Мордовцева «Самозванцы и позимовская вольница» (т. I. СПб., 1867).

Первая часть публикуемого отрывка, вероятно, относится к неизвестной нам статье Огарева, касавшейся царствования Екатерины II (до замужества — Ангальт-Цербстской принцессы).

Далее Герцен обращается с «допросными пунктами» к Л. И. Мечникову, также находившемуся тогда в Женеве. Статьи Мечникова в 1863—1868 гг. печатались в русском, а затем французском изданиях «Колокола» (см. об этом во вступительной заметке Б. П. К о з ь м и н а к публикации писем Мечникова к Герцену и Огареву — «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 390). О какой статье Мечникова идет речь в данном случае, остается неясным: ни за подписью автора, ни анонимно она напечатана в «Колоколе» не была. Следует заметить, что в переписке Герцена этих лет неоднократно встречаются упоминания о статьях Мечникова, предназначавшихся для «Колокола», но по разным причинам не увидевших света, — см. письмо Герцена к Огареву от 11 ноября 1863 г. (XVI, 514) и письмо Л. И. Мечникова к Герцену от 7 октября 1865 г. («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 392).

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции». — Публикация В. А. П у т и н ц е в а.

⟨Конец 1867—1868 гг.⟩

Мне не нравится маненько ухарский тон. Как в руководстве писать «канапатить в тюрьму»... родительская розга далее «Цербст», а не «Церпст».

Ни Новиков, ни Радищев не были на каторге, даже Новиков не был в Сибири, а сидел в Петропавловской крепости.

На грех тебе дал Мордовца — о Стефане Малом... Много строк — пять и без Юрья Владимир<овича>.

Мечникову допросные пункты:

- 1) Откуда он знает, что декабристы хотели освободить с землей?
- 2) Откуда он знает, что Петрашевский — Петрушевский?
- 3) Что такое — они были из «ученого сословия»? Мандарины в Китае*.

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ

Публикация Л. Р. Ланского

Имя Пьера Леру (1797—1871), известного французского социалиста-утописта, пользовалось огромной популярностью среди русской революционной интеллигенции сороковых годов. К его почитателям принадлежали и Герцен, и Белинский. С любовью и уважением следили они за деятельностью этого человека, «стоявшего в числе глав социального движения, полного энергии и любви, — человека, которого речь, проникнутая негодованием и сочувствием к меньшей братии, потрясала сердца» (XIV, 751). В дальнейшем Герцен отрицательно отнесся к политической и творческой эволюции Леру и резко осудил его последние книги.

Когда состоялось их личное знакомство, — точно неизвестно. Возможно, что еще в конце сороковых годов. В «Былом и думах» Герцен упоминает о том, как в это время он «хаживал иногда в клубы, участвовал в трех-четырех банкетах <...>, слушая Пьера Леру, отца Кабэ и подтягивая Марсельезу» (XIII, 313). Декабрьский переворот 1851 г. вынудил Леру покинуть Францию. После продолжительного пребывания на острове Джерси он в 1859 г. возвратился в Париж. В 1867 г. Леру приехал в Швейцарию для

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*